

■ ■ ■ Пользователи информационно-коммуникационных технологий в контексте цифровых неравенств и разрывов

Федотова Н.Н.

МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация.

Аннотация. Автор отмечает, обращаясь к мнению ряда известных исследователей, значительный уровень взаимопроникновения физической и цифровой реальности, а также интенсивность их взаимодействия. Возникают *новые формы цифрового неравенства*, которые *существуют* наряду с традиционными его проявлениями и взаимосвязаны с ними. Понятия цифровых разрывов первого, второго и третьего уровней не вытесняются концепциями цифрового неравенства, а продолжают использоваться наравне с ними, сохраняя свою привлекательность. Автор полагает, что одна из наиболее эвристичных для изучения цифрового неравенства и цифровых разрывов методологий предложена в подходе П. Бурдые, который изучал неравенство сквозь призму форм капитала и понятие габитуса. Мы рассмотрели результаты британского исследования «Me and My Big Data»¹, заслугой которого является многомерный подход к цифровому неравенству при построении идеально-типических моделей пользователей цифровой среды. В этом исследовании цифровое неравенство раскрывается как через неравный уровень знаний и навыков британских пользователей, так и через социальные преимущества, которые часть из них получает в сетевом взаимодействии.

Ключевые слова: цифровое неравенство, типологии пользователей, цифровые технологии, цифровой разрыв, информационно-коммуникационные технологии, ИКТ

Для цитирования: Федотова Н.Н. Пользователи информационно-коммуникационных технологий в контексте цифровых неравенств и разрывов // Коммуникология. 2024. Том 12. № 1. С. 38-45. DOI 10.21453/2311-3065-2024-12-1-38-45.

Сведения об авторе: Надежда Николаевна Федотова – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии МГИМО МИД России. Адрес: 119454, Россия, г. Москва, пр-т Вернадского, 76. E-mail: nnfedotova@rambler.ru. ORCID: 0000-0003-2040-4224.

Статья поступила в редакцию: 21.01.2024. *Принята к печати:* 25.02.2024.

Введение. Разделение физической и цифровой реальности в течение достаточно длительного времени являлось социальной конвенцией. Сошлемся на мнение французского исследователя П. Вирильо, который обращал внимание на раздвоение реальности и формирование новой сферы – «искусственной

¹Yates S.J. et al. Me and My Big Data. Understanding citizens data literacies research report [el. source]: https://www.liverpool.ac.uk/media/livacuk/humanitiesampsocialsciences/meandmybigdata/Understanding_CitizensDataLiteraciesResearch_Report_Final.pdf (accessed 11.01.2024).

реальности цифровой симуляции» [Вирильо: 138]. Однако с середины первой декады 2000-х годов ситуация стала меняться. Развитие цифровых технологий значительно расширило как пространство социальных взаимодействий, так и возможности самореализации, учебного процесса, заработка и организации рабочей деятельности, покупки товаров и культурного потребления и пр.

Уже в 2003 году британские социологи Дж. Урри и М. Шеллер показали, в определенной мере предвосхищая будущее, что становится трудно определить, где «заканчиваются нейронные связи нашего мозга и начинаются информационные электронные связи» [Sheller, Urry: 109]. Часть нашей личности хранится на электронных устройствах, а не в собственном мозге и памяти. В такой ситуации тело выступает, по их мнению, «гиперссылкой», необходимой для доступа к фрагментированной, разделенной на части личности. Сегодня подобное представление более, чем актуально.

Известный социолог М. Кастельс, характеризуя происходящие изменения, отметил, что «мы не “смотрим” интернет подобно тому, как мы смотрим телевизор. Практически пользователи интернета ... *живут* в интернете» [Кастельс: 83]. Интернет становится «коммуникационной материей» современной жизни, которая вбирает в себя множество проявлений – работу, взаимодействия в социальных сетях, информацию, досуг, государственные и прочие услуги, политику и религию, – утверждает Кастельс, ссылаясь на ряд других исследователей.

Цифровые разрывы и неравенства. Поскольку значительная часть действий и взаимодействий сегодня осуществляется с использованием информационно-коммуникационных технологий, социальные последствия подобного проникновения технологий, дифференциация людей на разные группы пользователей, достаточно рано стали предметом изучения. Уже в середине 1990-х годов появились исследования, в которых было показано, как доступ к интернету разделяет людей на две группы с неравными возможностями. Впоследствии цифровое неравенство выделилось в отдельное исследовательское направление ввиду значимости подобной проблематики.

Проследим кратко некоторые аспекты эволюции подходов к цифровому неравенству. В целом, изучение связи цифровых технологий и неравенства прошло путь от рассмотрения проблем доступа к новым технологиям, его наличия или отсутствия (так называемого цифрового разрыва первого уровня) до подходов, расширяющих сферу дискуссий и выводящих их за пределы цифрового разрыва – до концептуализаций цифрового неравенства.

Так, одной из первых представила теоретическую схему изучения цифрового неравенства группа исследователей под руководством П. ДиМаджио. Еще в начале 2000-х годов они выявили пять аспектов неравенства:

- качество устройства, программного обеспечения и скорость связи;
- возможность автономного использования (т.е. отсутствие временных, пространственных и пр. ограничений);

– навыки (имеет значение образование, технические навыки, поскольку, чем выше знание о том, что из себя представляют устройства и технологии, тем выше уровень их использования;

– наличие социальной поддержки (если ближнее окружение человека использует технологии, то и его уровень мотивации использовать информационно-коммуникационные технологии выше);

– уровень и цель использования (чем выше уровень и цель, тем больше знаний требуется для ее осуществления; если цель развлекательного характера, для ее реализации не нужно специальных знаний и образования) [DiMaggio et al.]. В исследовательский коллектив входила Э. Харгиттаи, которая является на протяжении уже более двадцати лет одним из ведущих специалистов по цифровому неравенству [См., например, Hargittai].

Практически в то же самое время, что и группа ДиМаджио, другой признанный исследователь цифрового неравенства Я. ван Дейк разработал свой подход, отметив неравное распределение:

- 1) доступа к мотивации использования технологий;
- 2) материального доступа (к интернету и устройствам);
- 3) доступа к цифровым навыкам;
- 4) доступа к возможности использования цифровых технологий [van Dijk 2005].

Несмотря на введение понятия цифровое неравенство и наряду с его широким использованием, в настоящее время также продолжают применяться идеи и концепции цифрового разрыва, особенно второго и третьего уровней. Под вторым уровнем понимается наличие у людей определенных навыков, необходимых для использования этих технологий. К третьему же уровню относят преимущества, которые получают люди от цифровых технологий, среди которых, например, успешность в учебе и на рынке труда и иные разнообразные блага. Я. ван Дейк и сегодня обращается к понятию цифрового разрыва для характеристики неравенства [van Dijk 2020].

Преимущества и блага в обобщенном виде могут быть сведены к обладанию некоторыми ресурсами, которые могут быть рассмотрены как формы капитала. Чаще всего исследователи обращаются к изучению влияния использования ИКТ на экономический капитал индивидов, а также на социальный и культурный капитал, заимствуя концептуальный аппарат форм капитала, разработанный выдающимся французским социологом П. Бурдьё. Не менее важным аспектом изучения становится обратное влияние ряда социально-демографических показателей (в частности, уровня образования, гендера и др.) на мотивацию к новым технологиям. То есть, сама склонность к использованию технических решений является результатом ряда усвоенных предрасположенностей и статусных характеристик. В связи с этим также используется введенное Бурдьё понятие габитуса, конкретизируемое в контексте цифровизации и цифровой экономики как «цифровой габитус».

Отметим также, что появление любых новых видов устройств и технических решений, например, цифровых помощников, нейросетей или чат-ботов искусственного интеллекта, вновь актуализирует изучение доступа к подобным устройствам

и самим технологиям, то есть, проблематику цифрового разрыва первого уровня, с последующим осмыслением возникающих вследствие этого неравенств.

Типология пользователей. Классификации пользователей являются одним из результатов многих научных работ, посвященных цифровому неравенству. Наряду с достаточно простыми, так сказать, одномерными типологиями, разделяющими людей на имеющих или не имеющих доступ к технологиям, а также типологиями, распределяющими индивидов вдоль континуума, где с одной стороны расположены те, кто максимально вовлечены в информационно-коммуникационные технологии, а с другой – те, кто исключены, появились более сложные и многомерные варианты. Обратимся к результатам одного подобного исследования.

В недавно завершенном британском общенациональном опросе «Я и мои большие данные» (Me and My Big Data) [Yates et al.] изучались уровни понимания населением цифровых технологий и данных в их связи с социально-демографическими характеристиками. Стратификация Британии представлена в виде совокупности классовых ситуаций, ранжированных по видам профессиональной занятости.

Было выявлено шесть типов онлайн-пользователей, большинство из которых обладает классовыми характеристиками:

1. «Продвинутые политические пользователи» (Extensive political users) – вероятно вовлечены в большинство форм онлайн-деятельности, включая политические/гражданские действия. Большинство из них моложе 45 лет, с высшим образованием, принадлежат к высшим уровням классовых позиций, вероятнее всего работают (не пенсионеры). Среднее доверие к информации от друзей и информации, найденной в социальных медиа, около 80 % перепроверяют контент социальных сетей и онлайн-контент. Немного менее половины согласны передавать личные данные онлайн платформам ради получения потребительской выгоды. 66% недовольны передачей личных данных третьим лицам. Зависимость от социальных медиа как каналов получения информации выше среднего. Уровень проактивного участия (data participation) значительно выше среднего.

2. «Продвинутые пользователи, не связанные с политикой» (Non-political extensive users) – вероятно, что они будут заниматься множественными формами онлайн-деятельности, но маловероятно, что они предпримут политические/гражданские действия. Совпадают с первой группой по ряду параметров. Большинство из них моложе 45 лет, с высшим образованием, принадлежат к высшим и высшим средним социальным позициям, вероятнее всего работают (не пенсионеры). Среднее доверие к информации от друзей и информации, найденной в социальных сетях, около 80 % перепроверяют контент социальных медиа и онлайн-контент. Группа людей, наиболее согласная передавать личные данные платформам ради получения потребительской выгоды. 63 % недовольны передачей личных данных третьим лицам. Зависимость от социальных сетей как каналов получения информации выше среднего. Уровень проактивного участия значительно выше среднего.

3. «Пользователи социальных и развлекательных медиа» – низкий общий уровень использования интернета с упором на социальные сети и развлекательные медиа. Большинство из них моложе 45 лет, низкая вероятность получения высшего образования, принадлежат к низшим и низшим средним классовым позициям, вероятнее всего работают (не пенсионеры). Выше среднего и самый высокий общий уровень доверия к информации, полученной от друзей и найденной в социальных сетях, около 60 % в незначительной степени перепроверяют контент из социальных сетей и онлайн-контент. Согласны передавать личные данные коммерческим агентам ради получения потребительской выгоды. 61 % недоволен передачей личных данных третьим лицам. Выше среднего и самый высокий в целом показатели по параметру «в основном смотрят социальные медиа, которые разделяют их собственные ценности». Уровень зависимости от социальных сетей как каналов получения информации выше среднего. Уровень проактивного участия ниже среднего. Низкий уровень цифровой грамотности.

4. «Общие пользователи» – акцент на функциональную деятельность, и при этом, ограниченное использование социальных медиа. 70% старше 24 лет, не пенсионеры. Смешанная по многим параметрам группа без устойчивой связи с классовыми признаками. Среднее доверие к информации от друзей и информации, найденной в социальных сетях, 62% иногда проверяют контент из социальных медиа, средняя зависимость от социальных сетей как каналов получения информации, средний уровень проактивного участия.

5. «Ограниченные пользователи» – ограниченное использование по всем видам деятельности. 69% старше 45 лет, скорее всего, будут относиться к низким социальным позициям, уровень образования низкий, около трети составляют пенсионеры. Самые низкие показатели грамотности в отношении данных. Недоверие к информации, полученной от друзей и найденной в социальных сетях, выше среднего. Только 22% иногда проверяют контент из социальных медиа. Самая низкая зависимость от социальных сетей как каналов получения информации. 61 % недоволен передачей личных данных третьим лицам. Самый низкий уровень проактивного участия.

6. «Не-пользователи» – не используют цифровые технологии.

Чаще всего они старше 55 лет, наиболее вероятно пенсионеры, принадлежат к низшим средним и низшим классовым позициям, живут в арендуемом или социальном жилье.

Исследование показало, что носителям более высоких классовых позиций достается большая доля преимуществ от использования ИКТ. Общим для большинства выявленных групп является недовольство передачей личных данных другим компаниям и структурам. Показатели цифровой грамотности (data literacy), согласно исследованию, взаимосвязаны с такими ключевыми характеристиками, как образование, возраст и социально-экономический статус. Однако в целом, только немногие респонденты получили высокие оценки. Доля групп пользова-

телей, демонстрирующих конкретные знания или практики цифровой грамотности, редко превышает 70%.

Измерялся показатель цифрового гражданства («data citizenship»). Более молодые респонденты с университетским образованием, относящиеся к высшим социальным классам, получили более высокие баллы, чем пожилые люди с более низким уровнем образования и социально-экономического положения.

В целом, максимальное внимание было уделено именно факторам цифрового участия в жизни общества и выражения гражданской позиции, возможности противостоять дезинформации, правилам цифровой безопасности, понимания того, как устроена цифровая среда, и каковы ее риски.

Выводы. Цифровые технологии, в отличие от нелинейного развития современной социальной, политической и культурной динамики, проявляют вполне устойчивые в своей направленности характеристики. К числу таковых относится их взрывной рост и экспансия во все сферы человеческого опыта и жизни социума. Граница между физическим и цифровым становится иллюзорной, размытой, проницаемой. Возникают новые формы цифрового неравенства, которые сосуществуют наряду с традиционными социальными формами.

Рассмотренное исследование охватывает широкий круг аспектов, связанных с неравенством. Его выводы характеризуют, во-первых, неравенство в знаниях и навыках навигации в цифровом пространстве (что можно отнести ко второму цифровому разрыву). Во-вторых, – возможности получить определенные (не) цифровые преимущества (третий цифровой разрыв). В данном проекте не используется понятие капитала, но преимущества, которые могут получить пользователи, во многом связаны как минимум с политическим, гражданским и социальным капиталом.

Источники

Вирильо П. (2004). Машина зрения. СПб: Наука.

Кастельс М. (2016). Власть коммуникации: учеб. пособие. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

DiMaggio P., Hargittai E., Celeste C., Shafer S. (2004). Digital Inequality: From Unequal Access to Differentiated Use. In: Neckerman K., ed. Social Inequality. New York: Russell Sage Foundation. P. 355-400.

Hargittai E., ed. (2021). Handbook of Digital Inequality. Cheltenham: Edward Elgar.

Sheller M., Urry J. (2003). Mobile Transformations of 'Public' and 'Private' Life. *Theory, Culture & Society*. No. 20 (3). P. 107-125. DOI: 10.1177/02632764030203007.

Van Dijk J. A. (2005). The deepening divide: Inequality in the information society. London, Thousand Oaks, New Delhi: SAGE Publications.

Van Dijk J. A. (2020). The digital divide. Cambridge/Medford: Polity.

Yates S.J. et al. (2023). Me and My Big Data. Understanding citizens data literacies research report [el. source]: <https://www.liverpool.ac.uk/media/livacuk/humanitiesampsocialsciences/meandmybigdata/Understanding,Citizens,Data,Literacies,Research,,Report,Final.pdf>.

■ ■ ■ Users of information and communication technologies in the context of digital inequalities and divides

Fedotova N.N.

MGIMO – University, Moscow, Russia.

Abstract. The author notes, referring to the opinion of a number of well-known researchers, a significant level of interpenetration of physical and digital reality, as well as the intensity of their interaction. New forms of digital inequality are emerging, which coexist alongside and are interconnected with its traditional manifestations. The concepts of digital divides of the first, second and third levels are not replaced by the concepts of digital inequality, but continue to be used along with them, maintaining their attractiveness. The author believes that one of the most heuristic methodologies for studying digital inequality and digital divides is proposed in the approach of P. Bourdieu, who studied inequality through the prism of forms of capital and the concept of habitus. The empirical basis is grounded on the study *Me and My Big Data*¹, which takes a multidimensional approach to digital inequality in constructing ideal-typical models of digital users. This study reveals the digital divide both through the unequal level of knowledge and skills of UK users, and through the social benefits they receive in social interaction.

Keywords: digital inequality, user typologies, digital technologies, digital divide, information and communication technologies, ICT

For citation: Fedotova N.N. (2024). Users of information and communication technologies in the context of digital inequalities and divides. *Communicology (Russia)*. Vol. 12. No. 1. P. 38-45. DOI 10.21453/2311-3065-2024-12-1-38-45.

Inf. about the author: Fedotova Nadezhda Nikolaevna – DSc. (Soc.), Professor, Sociology department, MGIMO – University. Address: 119454, Russia, Moscow, Vernadsky av., 76. E-mail: nnfedotova@rambler.ru. ORCID: 0000-0003-2040-4224.

Received: 21.01.2024. *Accepted:* 25.02.2024

References

- Castells M. (2016). Communication power (transl.). M.: Vysshaya shkola ekonomiki (In Rus).
DiMaggio P., Hargittai E., Celeste C., Shafer S. (2004). Digital Inequality: From Unequal Access to Differentiated Use. In: Neckerman K., ed. *Social Inequality*. New York: Russell Sage Foundation. P. 355-400.
Hargittai E., ed. (2021). *Handbook of Digital Inequality*. Cheltenham: Edward Elgar.
Sheller M., Urry J. (2003). Mobile Transformations of 'Public' and 'Private' Life. *Theory, Culture & Society*. No. 20 (3). P. 107-125. DOI: 10.1177/02632764030203007.

¹ Yates S.J. et al. *Me and My Big Data. Understanding citizens data literacies research report* [el. source]: https://www.liverpool.ac.uk/media/livacuk/humanitiesampsocialsciences/meandmybigdata/Understanding_CitizensDataLiteraciesResearch_Report_Final.pdf (accessed 11.01.2024).

Van Dijk J. A. (2005). The deepening divide: Inequality in the information society. London, Thousand Oaks, New Delhi: SAGE Publications.

Van Dijk J. A. (2020). The digital divide. Cambridge/Medford: Polity.

Virilio P. (2004). La machine de vision (transl.). SPb: Nauka (In Rus).

Yates S.J. et al. (2023). Me and My Big Data. Understanding citizens data literacies research report [el. source]: <https://www.liverpool.ac.uk/media/livacuk/humanitiesampsocialsciences/meandmybiddata/Understanding,Citizens,Data,Literacies,Research,,Report,Final.pdf>.